

ПО ВЕЧЕРАМ

примерно на двадцати сценах Праги зажигаются огни и начинается та особенная, всегда условная, всегда выдуманная жизнь, которую мы называем театром. И как бы мы ни относились к театру, он всегда, несмотря на свою кажущуюся выдуманность, будет выражать духовную жизнь народа, потому что ничего иного он делать не может. И все его вымыслы, лукавые и наивные выдумки есть нечто такое, что существует или нарождается в жизни современников.

Прага театральная, задумчиво-чуткая, влюбленная в свое родное сценическое искусство, как-то необыкновенно ясно приближает к своей духовной жизни, открывает то, чего не мог бы рассказать, может быть, ни один зритель о своих мечтах, идеалах, вкусах.

Я с изумлением смотрел нашу «Чайку» на великолепном представлении в Чешском национальном театре, и поразила меня чешский зритель. Он слушал Чехова, как откровение. В то время в Праге чужды ли не каждый четвертый болел гриппом, но тысячный зрительный зал не позволял себе кашля. Трепетная тишина оведала высоким благородством чеховскую пьесу, а шел, в сущности, старый спектакль в будничные дни. Безусловно, тут огромную роль играла и сама чеховская поэзия и столь же поэтическая постановка пьесы. Там не было никаких писанных декораций, должествующих создавать «чеховское настроение». Спектакль идет просто в сукнах, серых и мягких, и только две ветки дерева с серебристо-зелеными листьями свешиваются над сценой. И это великолепно потому, что отвечает нашим современным вкусам, изящно и просто выражает эстетику «Чайки» и нашу русскую природу. Спектакль оформлял выдающийся чешский художник И. Свобода. У него посреди сцены движется дорога. На эту дорогу выбегают Нина Заречная и как бы летит на зрительный зал, но дорога движется в обратном направлении и тянет Нину Заречную назад, не дает ей вырваться, улететь. Для реалистического спектакля, такого, как мхатовский, этот прием мы назвали бы чуждым реализму, формалистическим... Чехи более волно обращаются с канонами и правилами, они смешивают художественные приемы реализма с условностью, не беспокоясь за зрителя, который-де не поймет, что театр никогда не был и не будет живой жизнью.

Хотелось бы с удовольствием говорить об исполнителях роли Заречной, Аркадиной, Треплева, о самом постановщике, но тогда пришлось бы писать беглые рецензии на все спектакли, которых наш читатель не видал. Мне же хочется передать живое настроение, стиль и вкусы театральной Праги. И не будет нескромностью сказать, что ту же чуткость, как на «Чайке», лишь, может быть, несколько более живую, я встретил на спектаклях «Кремлевские куранты» и «Аристократы»... Эти спектакли просто острее воспринимаются зрителем, чем задушевная и далекая «Чайка». Не могу ничего не сказать об образе Ленина. В Реалистическом театре, где сейчас идет пьеса, Ленин фотографически не похож на свои портреты, актер Вальте Тауб не старается копировать традиционную жесткую фигуру. Он играет скорее чеха, чем русского, и все же он — Ленин в главном, в живой мысли, в страстности, человечности. Актер вообще великолепен, как великолепен весь состав спектакля, какой-то очень мягкий, интеллигентный, тактичный.

Об «Аристократах» повторю то же, что сказал исполнителем: лучшего после охлопковского спектакля я не видал. Это отличный по профессиональности и талантливости чешский театр имени С. К. Неймана, еще недавно театр периферийный и теперь играющий на окраине Праги. За «Аристократов» театр получил Государственную премию, а окраина не пугает зрителей центральных районов.

Прага чтит свой театр. А Национальный театр есть гордость и святыня чехов. Народ на свои деньги построил этот театр в далекие годы австро-венгерской монархии. И так высоко поставлен этот театр, что, например, современный автор, пьеса которого идет на сцене этого театра, не выходит на первых представлениях на поклон. Так поднято величие Национального театра.

Я видел на сцене филлала театра «Короля Лира», а на главной сцене современную пьесу словацкого драматурга П. Карваша «Антигона и другие», посвященную трагической борьбе чехословацких узников с гестаповцами в концентрационном лагере. Оба эти спектакля многое теряют оттого, что разыгрываются в полутьме. Знаю, постановщики обидятся, им дорога эта игра с верхним светом, и все-таки скажу: в старые времена это называлось «битвой негров в тоннеле». Если бы не замечательно отработанные в магнитофонной записи звуковые наплывы, отражающие страшную жизнь лагеря, то в условном оформлении и в полумраке исчез бы и сам лагерь, как арена трагедии.

Но вместе с тем нельзя огульно осуждать поиски

ТЕАТРАЛЬНАЯ

Николай ПОГОДИН

на сцене, даже если они — подражание или дань моде. Мне

опять-таки и в этом отношении бесконечно нравится пражский зритель. Он не ворчит, не возмущается по-мещански, ибо мещанин враждебен всему новому. Оно беспокоит, заставляет соображать, а мещанин любит жить, не тревожа себя пониманием. Меня удивило и обрадовало, когда в достаточно серьезной пьесе П. Когоута «Третья сестра» вышел на просцениум актер, играющий роль «за автора», и начал петь лирическую песню. Вот оно что... Значит, и так можно, а, может быть, и должно.

Пьеса «Третья сестра» интересная, умная. Она хорошо написана, что тоже немаловажно. Уже в Москве я прочитал ее перевод. Павел Когоут ищет новую драму, вернее создает ее, и дорого в его поисках именно то, что драму-то он пишет подлинно новую, проникнутую строгим благородством взгляда на социалистические отношения людей. Павел Когоут близок мне, Арбузову, вообще советской драматургии. Пьеса сложна, как сложна сама жизнь, написана по коренным законам драмы, то есть от несчастья к счастью или наоборот. Других законов нет и быть не может. Люди, выдумывающие другие законы, от счастья к счастью, могли бы уничтожить и драматургию, и театр.

Образ третьей сестры (героиня пьесы), простой работницы, в исполнении актрисы Реалистического театра Л. Пешковой такой, какие являются на сцене редко и долго не забываются. И роль хороша, и хороша исполнительница, но, повторю, дорога здесь новая, благородная сущность жизни, которую ищет Когоут и находит ее в этом образе современной, социалистической личности.

Недостатки? О, да. Я возражал бы против образа матери трех сестер, которая давно умерла, но ходит по сцене и говорит с живыми. Не могу мириться с мертвецами, хоть создатели их называют своих мертвецов воспоминанием, мыслью, мечтой. Но также не могу возводить свои возражения в степень безусловности, потому что в таких случаях безусловность ни к чему, она очень вредна.

После «Третьей сестры» я попал в театр «А. Б. Ц.»... Кстати, мы так не назовем свой театр. Мы назовем «Театр драмы», «Театр комедии», «Театр сатиры», будто не знаем, что драма, комедия и сатира присущи любому театру. А в этом «А. Б. Ц.» показывают нечто чудесное под названием «Жили-были двое». Выходят на сцену два блистательных комика Капечкий и Гарничек и затевают это чудесное нечто с каскадом остроумных диалогов, шуток, сцен, куда вливаются их спутники по представлению, и зритель хохочет, радуется, отдыхает. Умно это.

Вещь отнюдь не пустая, зубастая, проникнутая сатирой, той необходимой сатирой, которая помогает зрителю очистить мозги от копоти повседневности. При этом исполнители ведут своих героев через всю жизнь от десяти, двадцати лет до восьмидесяти. Десять содержания этого спектакля невозможно. Нечто подобное делают у нас Штепсель и Тарапунька.

Можно было бы говорить о «Полночной мессе», о комедиях «Щедрый вечер», «Вам сигарету?», но — достаточно. И эти краткие строки дают некоторое представление о театральной Праге. Впрочем, судя по комедии «Щедрый вечер» хочется пожелать Праге выдвигать новых, смелых, изобретательных постановщиков. Сюжет комедии «Вам сигарету?» состоит в том, что, куря новую, «социалистическую сигарету», ее изобретатель неожиданно для себя и непроизвольно начинает говорить чистую правду о себе и других. Комедия веселая, звучная, полная превращений, а поставлена в манере бытового реализма, по большей части сидят и говорят. То же самое можно сказать о «Щедрым вечере». Пьесы гораздо интересней по своим исканиям и формам, чем их сценическое воплощение. С нашими драматургами случается как раз обратное. Ставят нас лучше, чем мы пишем.

Доброжелательный и серьезный пражский зритель, ценя свое театральное искусство, радушно идет навстречу новой, современной драматургии. Как и нашего зрителя, его бесконечно волнуют вопросы коммунистической морали, чести, правды, ответственности перед людьми. Нельзя забывать о мощном влиянии на сердца и умы людей последних трех съездов Коммунистической партии Советского Союза. И не следует понимать это влияние легко и упрощенно. И театральная жизнь Праги весьма явственно отражает духовную жизнь Чехословакии в ее строительстве нового, социалистического общества.

ПРАГА—МОСКВА.

